

Семенова Елена Александровна

Elena Semenova

кандидат педагогических наук

старший научный сотрудник ФГБНУ «Институт художественного образования
и культурологии Российской академии образования»

PhD (the pedagogical sciences), the senior research fellow

The Federal State Budgetary Scientific

Institution «Institute of Art Education and

Cultural Studies of the

Russian Academy of Education», Moscow

e-mail: semenova05@list.ru

КАРНАВАЛЬНАЯ ПРИРОДА АДДИКЦИИ

The carnival nature of addiction

Ключевые слова: карнавальный регресс, аддикция, регрессивная прогрессия, антиповедение, негативизм.

Keywords: carnival regression, addiction, regressive progression, antibehaviour, negativism.

Аннотация: В статье делается попытка выявить уникальный парадокс того, как сама карнавальная природа человека может являться как средой развития аддиктивности во всем ее разнообразии и уникальности, так и представлять варианты ее антиразвития.

Понятие «карнавальный «регресс» рассматривается в контексте термина «регрессивная прогрессия», разработанного психоаналитиками Э. Крисом, Р. Левенштейном и Х. Хартманом — последователями З. Фрейда, и ассоциируется с процессом развития. Это позволяет рассматривать в аддикции ее карнавальную природу, коррелирующую с познавательными, творческими процессами. Статья может быть интересна для педагогики, в особенности для педагогики искусства.

Abstract. The article seeks to identify a unique paradox, as the very fancy human nature can be both a medium for the development of addiction in all its diversity and uniqueness, and to present options for its de-development. The concept of «carnival regression» is considered in the context of the term «regressive progression», developed by the psychoanalyst E. Kris, and R. Löwenstein, and H. Hartman—the followers of Z. Freud, and is associated with the development process. This allows us to consider the carnival nature in the meaning of addiction, correlated with the cognitive and creative processes. The article may be interesting for pedagogy, particularly the pedagogy of art.

«.. общий закон существования человека в мире состоит в том, что он не может породить ничего, что немедленно не превратилось бы в фактор, оказывающий на него обратное воздействие и обуславливающий его дальнейшее творчество».

В. Фон Гумбольдт

Ученые, посвятившие свои исследования смеху, пришли к очень интересному открытию. Оказывается, что смех вызывает в организме сходные поведенческие реакции, которые вызывают у нас алкоголь, секс, насыщение, сон, зевота и другие. Это означает, что смех – одна из самых древних природных функций, защищающая нас от стресса, совершая «безалкогольное опьянение», только без отравления алкогольными токсинами.

С какими процессами это связано? А.Г. Козинцев считает, что сам по себе смех не полезен и не бесполезен. Самое главное, что смех ищет любую лазейку ворваться и заблокировать речь, язык, мышление. Смех посягает на «культуриподобное» существование человека, выбивая его из колеи, поработывая собой. Так из одной несвободы (культуры), человек попадает в другую - (докультурное состояние). Это можно наблюдать на уровне физиологии, когда человек «пребывает в смехе». Его тело, словно, сотрясается в «конвульсиях», а затем обессилено обмякает. Таким образом, смех, естественный, природный химический агент, способный нас поработать.

А. Бергсон считал, что смех – это величайшая анестезия сердца, во время которой мы становимся некими нечувствительными к определенного рода чувствам, связанными с сочувствием, состраданием, лишь ради того, чтобы испытать ощущения от комического и смешного. Аристотель считал, что воспринимая комическое, мы, так или иначе, получаем удовольствие от восприятия безобразного, но в такой пропорции, которая не может нам причинить вреда. Ценно утверждение, которое сделал в своей книге «О комическом» Б. Дземидок, о том, что *отклонение от нормы*, это единственное общее, что наблюдают практически все теоретики в комическом. Это означает, что в нашем сознании уже при восприятии комического и смешного происходит «смещение сознания» в сторону отклонения от нормы, пусть даже на мили секунды. Делает ли это нас «более худшими» в момент восприятия смеха и комического, чем мы есть на самом деле? Эти вопросы ставит и отвечает на них в своей книге А.Г. Козинцев «Человек и смех»[1].

Если взглянуть на смех, в контексте некоего подобия природного химического фермента, который провоцирует аддикционные (англ. *addiction* — зависимость, пагубная привычка, привыкание) от проявления личности, то весьма уязвимая теория смеха А. Бергсона выглядит весьма убедительно.

А.Г. Козинцев в книге «Человек и смех» доказывает, что смех как наследие ранних этапов антропогенеза – главный антагонист речи, мысли, культуры как таковой. Но позиция А.Г. Козинцева (в отличие от А. Бергсона и Аристотеля) исключает возможность в момент смеха становиться «худшими людьми». Скорее всего, исследователь разделяет мнение, что смех – это природный антистрессовый механизм, позволяющий «одурачить» культуру.

Г. Спенсер попытался объяснить подобный защитный механизм организма с точки зрения энергетического обмена. Г. Спенсер отразил мысль о «нисходящей несообразности» или «комической деградации»[4] в своей теории смеха. Нисходящая несообразность, по его мнению, – это та модель психической траты энергии, при которой возможен смех. При этой модели психическая энергия идет

не в сторону накопления, а в сторону разрядки. Точно такой же принцип действует в нервной энергии и в умственной. Спенсер считал, что если мышечный энергетический потенциал еще до конца не растратился, но уже скопился, он, тем не менее, требует выхода. И если в поле зрения субъекта попадает объект, не требующий столь героических энергетических затрат, как прежде, он может вызвать смех. Это необходимо для того, чтобы наши не потраченные на подвиги излишки потратились на «сущую безделицу», которая для своего осознания требует минимальных психических, душевных и прочих «активов». Поэтому объекты смеха, точнее их восприятие, столь приятно в объяснении Г. Спенсера. Именно поэтому теория Спенсера относится к теориям «комической деградации».

Эту идею позже, по-своему развил З. Фрейд в теории остроумия. Именно предложенный Спенсером вид энергетического обмена по типу «нисходящей несообразности», то есть «*деградирующего комического*», которое по мере восприятия все меньше нуждается в наших затратах энергии, а следовательно экономит наши силы, часто наблюдаема *при химической аддикции* (наркотической, алкогольной), а также в поведенческой. Если сделать выводы относительно теории Спенсера, применительно к законам аддикции, то получится, что закон нисходящей несообразности одинаково может работать и в сфере смеха и в сфере патологических изменений психики.

Часто смех сопутствуют алкогольному и наркотическому опьянению. Также смех – частый атрибут глупости, поверхности и бессодержательности. Смеховые проявления поведения изучала Г.Е. Сухарева на примере детей шизоидных психопатов, отмечая в работе «К проблеме структуры и динамики детских конституционных психопатий (шизоидные формы)» (1930), что «Травматизация от соприкосновения с детским коллективом, насмешки и шутки со стороны товарищей вызывают еще большую замкнутость в себе, отход от коллектива. В связи с этим в школе проявляются следующие симптомы: гебефреническое поведение, манерность, гримасничанье, склонность к дурашливости, к нелепым играм. Это роль, которую здоровый ребенок интуитивно берет на себя, в случае если ощущает по отношению к себе негативную реакцию коллектива сверстников»[5].

Следуя логике Спенсера во время смеха невозможно делать сложнейшую умственную работу, вообще напрягаться умственно. Но, какие процессы маскирует смех? А.А. Сычев в книге «Природа смеха или философия комического», связывая смех с познавательными процессами, считает *избыточность* важнейшей характеристикой смехового поведения, а смех воспринимает как *радость избыточного понимания*.

Можно сказать, что М. Минский, очень многое открыл в природе смеха, объяснив его когнитивную сферу в статье «Остроумие и логика когнитивного бессознательного». По его мнению, смех предупреждает человека об опасности, сигнализируя о возможных отклонениях от логики. Ученый привел пример, когда математик не стал делать следующего шага в своей теореме, так как испугался, что он повлечет новое открытие. Нечто подобное проявляется на уровне прерывания смехом наших рассуждений. Смех в данном случае выступает как отвлекающий

маневр, удерживающий «... мысль от дальнейшего продвижения по ложному или запретному пути. Прерывание рассуждения необходимо для того, чтобы человек не вздумал рассматривать эту мысль серьезно, ... действовать в соответствии с ней или же анализировать ее логические следствия»[2]. То, есть смех блокирует в нас гениев? Или сохраняет силы для того, чтобы ими быть?

Для этого у М. Минского есть еще одно наблюдение. Он выделил и другую функцию смеха, которая напротив, фокусирует наше внимание на абсурде, обрывая любое рассуждение. Исследователь предположил, что смех, как социо-культурный феномен, прежде всего, будучи коммуникативным механизмом, возник как сигнал для другого, немедленно прекратить свою абсурдную деятельность ввиду ее опасности. Со временем, эта внешняя функция переходит в разряд внутренней. М. Минский задает совершенно логичный вопрос: «если человек может чувствовать и слышать, как он смеется, гримасничает и трясется от смеха, то почему бы ему не использовать эти побочные эффекты для того, чтобы заставить свое собственное Я не совершать чего-либо смешного или запретного?»[2]. По его мнению, смех был в дальнейшем, источником «молчаливой цензуры» у субъекта самого себя. Мысль Минского о смехе и его эволюции в культуре очень созвучна современным представлениям об аддикции именно тем, что смех-юмор, как и аддикция представляют некую комбинацию «агрессии, сексуальности и нонсенса»[2]. Из этого следует вывод, что человек, пользуясь своими внутренними цензорами, которые у каждого индивидуальные, сам решает, как ему поступить: прекратить абсурд или продолжать, (по сути это все тот же вопрос математика о том, как реагировать на собственную теорему? делать следующий шаг или нет?). А значит это вопрос, личностной идентичности. Не случайно, молодежь, подростки, так тянутся к архетипам трикстеров.

С этой точки зрения трикстер (в англ. *trickster* — обманщик, ловкач) является самым большим концентратом аддиктивных «проявлений». Он прародитель фигуры клоуна. Именно своей природой он обязан тем, что как губка вобрал все виды аддикций, причем в гиберболизованном виде. На трикстера можно посмотреть, как на характер более неуравновешенный, невоздержанный, подверженный всяческим зависимостям. Это похожий на сумасшедшего, склонный к паранойяльным проявлениям склад личности. На клоуна можно взглянуть, как эволюционирующего трикстера, в котором уже сформированы инстинктивные блокираторы всех культурных «болезней человека», неминуемо атакующих психику человека по мере его адаптации к культуре. Хотя сам перевод слова клоун с английского языка указывает на его не менее противоречивые свойства (*clown* с англ. шут, паяц, неотесанный парень, деревенщина).

Именно эти окультуренные инстинктивные проявления клоуна, позволяя сохранять некий баланс между «культурой и природой», в нужный момент, осуществляют «карнавальную регресс». В фигуре трикстера уже можно обнаружить карнавные проявления аддикции (позднего клоуна). На первый взгляд, трикстер сумасшедший. В мифологии он действительно обладает подвижной, неустойчивой гендерной (гэндер от англ. *gender*, от лат. *genus* «род» — спектр характеристик, относящихся к маскулинности и фемининности) природой.

Но в его агрессивности есть одна особенность. Удивительным образом, он бывает всеми любим. Даже с учетом всех его гендерных непостоянств и несовершенств. Вряд ли сумасшедший снискал бы такую любовь, которая создала мифы о трикстере-прародителе человечества. В этой связи уместно вспомнить фильм «Клоуны» Ф. Феллини. Кроме того, Ф. Феллини сравнивал клоуна с фантастическим существом, наделенным способностью проявлять иррациональную составляющую сущности человека. Кинорежиссер думал, что весь мир населён клоунами. Великий режиссер считал, что «человечность избыточна, смешна и просто не может не волновать». Возможно, это ключ к разгадке причины народной любви трикстера, как персонажа, во всех смыслах довольно безумного и опасного.

Это наводит на мысль о том, что аддиктивная природа клоуна особенная. Помимо того, что он всегда чем-то крайне увлечен, он чаще других осуществляет «регресс» на родину детства, сохраняя в себе рудиментарные черты инфантильности. Можно предположить, что он владеет некими карнавальными технологиями вхождения и выхода из карнавального пространства, не зависая ни на инфантильной, ни на карнавальной, ни на культурной стадиях. Подчас именно, *застревание* на различных стадиях развития чревато аддиктивными аномалиями. Смех, который невозможно ни продлить, ни сократить служить отличным сигналом естественного баланса, барометром природной меры и красоты. Но так ли естественно он достигается? Что предшествует смеху у каждого человека? В этом и состоит самый главный вопрос. Действительно, биомеханически смех срабатывает у каждого одинаково, но история прихода в смех у всех разная. Это объясняется интегральностью человеческой индивидуальности, которую можно представить как многоуровневую систему, в которой есть уровни, взаимодействующие друг с другом. Это как минимум уровень биохимический, обще-соматический, нейродинамический, психодинамический, уровень психических свойств, социально-психологический, социально-исторический.

В.С. Мерлин, проводя в 70-ые годы 20 века исследования в области интегральной индивидуальности, обратил внимание на уникальные индивидуальные портреты взаимодействия этих уровней индивидуальности, проявляющиеся в индивидуальном стиле деятельности.

А.Г. Козинцев считая, что карнавал, имея био-культурные корни, выделяет в нем игровую физическую агрессию как одну главную черту. Исследователь отсылает нас к этологическим данным, которые «выявляют прямую преемственность между карнавалом и так называемой социальной игрой, то есть игровой борьбой животных, в особенности обезьян»[1, С. 125]. Так А.Г. Козинцев приходит к выводу, что у человека ярко выражена неотения (сохранение во взрослом возрасте детских черт), проявляющаяся и в карнавале, который восходит к «дочеловеческим корням». Так неотения дает тот самый причудливый портрет сочетания разных уровней природы и культуры у представителя homo sapiens, у которого есть карнавал, который во многом держится на «бессознательности и врожденности»[1, С.129].

П. Рикёр в труде «Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике» опубликованной в 1969 интерпретируя основные мысли З. Фрейда, пришел к выводу, что Культура, согласно З. Фрейду, «как раз и есть этот эпигенез, ортогенез «образов» человека становящегося взрослым» [3, С.177-178]. П. Рикёр приходит к заключению, что в культуре «символы имеют как бы два вектора: с одной стороны, они повторяют наше детство со всеми его смыслами - временными и вневременными, с другой - они исследуют наше взрослое состояние [3, С. 183].

Человеческая история выделила несколько способов человечества возвращаться в мир детства: через искусство, через сон, и через смех. Последователи психоанализа Крис, Лёвенштейн и Хартман, упомянутые в данной работе П. Рикёра, разработали понятие «*регрессивная прогрессия*», обозначающее процесс, в ходе которого психика вырабатывает новые осмысленные значения, дающие новую жизнь преодоленным бессознательным явлениям. Подобный процесс «*регрессивной прогрессии*» можно сопоставить во многом со смеховым миром, который дает новую жизнь всему обыденному, повседневному, привычному.

В работе З. Фрейда «Остроумие и его отношение к бессознательному», (1905), описана та эйфория, которую мы стремимся вызвать с помощью юмора, комизма, остроумия и других видов «смеха» во взрослом возрасте. В данном случае она является реконструкцией того состояния духа в определенный «жизненный период, когда мы вообще справлялись с нашей психической работой с помощью незначительной затраты энергии, настроения духа в нашем детстве, когда мы не знали комизма, не были способны создавать остроты, не нуждались в юморе, чтобы чувствовать себя счастливыми в жизни»[6].

В теории комического у З. Фрейда понятие «инфантильность» занимает особое место». Инфантилизм (от лат. *infantilis*— детский) означает отставание в развитии, сохранение в физическом и психическом облике черт, присущих предшествующим возрастным этапам. З. Фрейд считал, что очень часто мы даже не улавливаем тех следов «инфантильности, которые еще сохранились в большинстве наших радостных переживаний»[6]. Отдельные мотивы «удовольствия ребенка оказываются утерянными для нас, взрослых, поэтому мы при подобных же условиях ощущениях «комическое» чувство взамен утерянного»[6, С. 238]. Так З. Фрейд отмечал, что не случайно именно «комизм подражания» представляет наибольшие трудности для нашего понимания до тех пор, пока мы не учитываем его инфантильного момента. Позже процесс человеческого стремления вернуться в «рай» детского возраста будет описан в теории комического С. Эйзенштейном, которую он изложил в категориях «эволюционного бегства», «прыжках в инфантильность», «формального пафоса» комического. У художников, по мнению С. Эйзенштейна «прыжок в инфантильность» — это возможность выйти «за пределы окружающей реальности»[7].

Ребенок довольно рано научается временно *регрессировать в смех*, что помогает ему снять стресс перед культурой. Это же качество прочно наследуют и клоуны. Можно допустить, что у детей и у клоунов повышенная устойчивость к аддикциям сильна по нескольким причинам: во-первых, срабатывает природный блокиратор—смех; во-вторых, очень сильна потребность переворачивать только, что

усвоенные нормы, правила на карнавальных принципах (у детей проявляется в страсти к перевертышам, небылицам); позитивное мировосприятие.

В статье мы предприняли попытку подойти к понятию *аддикции* не только как механизму разбалансировки психики, но и как естественному защитному механизму, позволяющему достичь гармонии в проявлениях личности. Для этого мы рассмотрели карнавальный потенциал аддикционных проявлений, который до сих пор остается не востребованным в русле теоретических исследований. На сегодняшний день, принято считать, что аддикция в широком понимании, навязчивое желание выполнять какую-либо деятельность или острая потребность в ее совершении, граничащая с маниакальностью, бредом, гениальностью и другими паранормальными состояниями. Но данные границы весьма подвижны, как, впрочем, и при определении их при одаренности, гениальности. Данный феномен трактуется и как поведенческое отклонение. Аддикцию соотносят также с заболеванием. На сегодняшний день принята классификация аддикции профессора Ц.П. Короленко, одного из основоположников современной аддиктологии, согласно которой аддикция делится на три основные категории: химическую, поведенческую или смешанную (био-химическую). К источникам химической аддикции относятся различные препараты, многие из которых крайне токсичны, и нередко, ведут не только к распаду личности, но и к летальному исходу. К нехимическим аддикциям относят гэмблинг, интернет-зависимость, работоголизм, созависимость, ургентную аддикцию, религиозную аддикцию, социальную организацию как аддиктивную фиксацию, шопинг, эротические аддикции, любовные аддикции и аддикции избегания и др. К химическим аддикциям относят алкогольную аддикцию, наркоманию, токсикоманию. Сегодня к ней приравнивают и пищевую аддикцию. Не смотря на то, что поведенческую зависимость дистанцируют от химической, ее наиболее распространенным вариантом является тот, когда поведенческая аддикция провоцирует химическую, или наоборот. Часто эти процессы взаимообусловлены. «Смешанная аддикция» выглядит здесь наиболее универсальной на фоне других определений этого понятия, если учитывать вероятность возможности перехода на любом этапе поведенческой аддикции в химическую и наоборот. В различных видах аддикции мы можем обнаружить в различной степени зачатки проявлений в норме карнавальной природы и на уровне физической игровой агрессии, и на уровне карнавального регресса, и радости избыточности понимания

Несмотря на то, что аддикция относится к явлениям клинического характера, исследованием которой занимается аддиктология, находящаяся на стыке психиатрии, клинической психологии и наркологии на проблему аддиктивного поведения можно взглянуть как на категорию *регрессивной прогрессии*, позволяющую выявить ее карнавальную природу, корреляцию со смехом, комическим, познавательными, творческими процессами. Этот теоретический аспект может представлять интерес как для специалистов в области данной проблематики, так и для педагогики, в особенности для педагогики искусства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Козинцев А.Г. Карнавализация и декарнавализация: На грани природы и культуры//Кунскамера: Этнографические тетради Вып. №13, С.125-129.
2. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. - М.: Прогресс, 1988. - С. 52-92.
3. Рикёр П. Конфликт интерпретаций очерки по герменевтике// Перевод с французского, вступит. Статья и комментарии Вдовиной: М., Академический проект 2008. – 695 с. - (Философские технологии), –С. 177-178.
4. Спенсер Г. Физиология смеха\\Опыты научные, политические и философские, М., Современный литератор, 1999, 1408с.
5. Сухарева Г.Е. К проблеме структуры и динамики детских конституционных психопатий (шизоидные формы). – журнал невропатологии и психиатрии, 1930, №6.
6. Фрейд З. Остроумие и его отношение к бессознательному// Я и Оно, М., Эксмо, 2005.
7. Эйзенштейн С.М.. Психологические вопросы искусства, // Под ред. Е.Я. Басина.— М.: Смысл, 2002. — 335 с.